

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
городского округа Королёв Московской области
«Средняя общеобразовательная школа № 13» (МБОУ СОШ № 13)

ТВОРЧЕСТВО Т. КИБИРОВА 90-Х ГГ. XX-ГО ВЕКА

Работу выполнила:

ученица 9 класса «Д» Жежерина Ксения Максимовна

Научный руководитель:

учитель русского языка и литературы Живогин Илья Евгеньевич

Королёв, 2024

Т. Кибиров дебютировал в печати в 1980-х гг.: в журнале «Юность» с вступлением к «Русской песни», а позже – в «Синтаксисе» с фрагментом поэмы «Жизнь Константина Устиновича Черненко». Относительно первых творений поэта Д. Н. Багрецов отмечает: «Поэтический дебют Т. Кибирова был связан с литературным андеграундом. Во многом благодаря этому для раннего периода творчества поэта актуальна социальная проблематика и антитоталитарный пафос: таковы были требования группы и времени. Однако Т. Кибиров не ограничивается характерной для концептуализма и соц-арта игрой с языками советской культуры. У Т. Кибирова этой игре сопутствует ностальгический лиризм, который не благоприятствует созданию «авторской маски» [3, 10-11]:

Все проходит. Все конечно.
Дым зловонный. Волчий ров.
Как Черненко быстротечно
и нелепо, как Хрущев,

как Ильич, бесплодно, Лева,
и, как Крупская, страшно.
Распадаются основы,
Расползается говно. [1]¹

Жанры песни и поэмы у Т. Кибирова лежат в основе его успеха и творческой индивидуальности: «получил известность благодаря поэмам "Когда был Ленин маленьким", "Жизнь К. У. Черненко", "Сквозь прощальные слезы", цитатно пародирующим каноны официального искусства» [11, 357]; «Кибиров обращается к песне, потому что этот жанр для него один из способов бытования советского идеологического языка, посредством которого в поэме формируется принципиально новый тип лирического субъекта» [9, 11].

Периодизация творчества Т. Кибирова предложена Д. Н. Багрецовым: первый «перестроечный» период (1986-1991), второй «постперестроечный» (1992-1996) и третий «современный» (с 1997-го) – «эта периодизация учитывает не только творческий аспект, но и социально-политическую конъюнктуру, оказавшую несомненное влияние на творчество поэта» [3, 12].

¹ Здесь и далее стихотворения приводятся с персонального сайта Т. Кибирова.

Первый сборник «Общие места» появился в печати в 1990-м г., а сам поэт продолжал печататься в журналах: начал активное сотрудничество с «Арионом», «Дружбой народов», «Знамя», «Юность», «Литературная Осетия» и др.

В том же 1990-м в 34-м номере журнала «Час Пик» Т. Кибиров публикует «Послание Л. С. Рубинштейну», ставшее одним из известнейших произведений поэта, приводя отрывок из которого, М. Гаспаров пишет: «Смешно? Смешно, хотя говорится в этой поэме, ни много, ни мало, о конце света, и оптимистический конец приделан к ней больше по инерции бодрого стихотворного размера. Размер этот называется четырехстопный хорей, и он умеет делать веселым, народным и песенным почти все, что им ни пишешь. Поэтому цитаты из Пушкина, Окуджавы, частушек и советских песен сплавляются здесь воедино без особенного труда» [6, 43]. Коротко и емко определяют тему этого произведения Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий: «Постоянная тема Кибирова — энтропия, распад прежде устойчивых, заскорузлых порядков — не только идеологических и исторических, но и экзистенциальных. Именно об этом его известная поэма «Послание Льву Рубинштейну» [7, 445].

Уже указанную М. Гаспаровым связь между Б. Окуджавой и Т. Кибировым исследует О. А. Лекманов: «Окуджава для Кибирова – явление не только и, кажется, не столько советского периода русской поэзии, сколько самой советской жизни, энциклопедию которой Кибиров прилежно и с ненавистью составлял в своих вещах второй половины 1980-х гг.» [8, 124]. В этом отношении показательна «Баллада об Андрюше Петрове» 1988-го:

На первой картошке с Наташей
Угловой он начал дружить,
в общаге и в агитбригаде,
на лекциях. Так бы и жить

им вместе – ходить по театрам
и петь Окуджаву. Увы!
Судьба обещала им счастье
и долгие годы любви [1].

Указанная (опять-таки М. Гаспаровым) связь Т. Кибирова с А. С. Пушкиным становится предметом многих исследований. Сам поэт неоднократно обращается к А. С. Пушкину, выделяя его из ряда других. Приведем фрагмент послания «Константину Гадаеву»:

Пастернак наделен вечным детством.
Вечным отрочеством – Маяковский.

Вечной женственностью – Блок и Белый.

А мужчина-то только один –
Александр Сергеевич Пушкин.

Это тост, Константин!

Где же кружка? [1]

Наиболее показательной в плане проявления черт наследования Т. Кибирова пушкинской традиции является поэма «Сортиры» 1991-го г., «вобравшая чуть ли не весь репертуар инвариантных мотивов, аккумулярованных ирои-комической октавой XIX столетия» [12, 124].

Укажем несколько переключек, отмеченных М. И. Шапиром: «Кибиров с первых же строк строит свое произведение как пародию на эпическую поэму. Он начинает с опознавательных сигналов жанра – с «предложения» и «призывания» [12, 124]; «Вместе с пушкинской строкой Кибиров берет «тройное созвучие» на *–она* и тоже нарушает рифменное ожидание» [12, 127]; «Поэму открывают образы энуреза и диспепсии как синонимы поэтического «недержания» и графоманства. <...> К похожим метафорам прибегал Пушкин» [12, 128] – однако «копрологические подтексты «Домика в Коломне», будучи возведенными в ранг сюжетообразующих мотивов, у Кибирова не заслоняют фундаментальных тем, завещанных бурлеску эпопеями древности» [12, 130]; «Стилистический спектр «Сортиров» еще более широк, чем в стихотворной повести Пушкина» [12, 133]; «Но только у Кибирова неприятию социальной действительности отчетливо противостоит приятие Божьего мира, фактически составляющую имплицитную мораль поэмы» [12, 137]:

<...> И пока светило

огромное всходило, затопив,
расплавив мост над речкой, я старался
впервые в жизни уловить мотив
еще без слов, еще невинный, клялся
я так и жить, вот так, не осквернив
ни капельки из этого!... [1]

Исследованию этой поэмы посвящены работы К. Скандуры и Г. Л. Гуменной. Г. Л. Гуменная в основном продолжает исследование М. И. Шапира, заключая: «Формулируя в предисловии к первой книге стихов своё «творческое кредо», Кибиров говорит о

необходимости отказаться «как от провинциального “авангардизма”, так и от слепого следования традиции», для него значима «скрытая многозначность, пушкинская лукавая “глуповатость”, простота, взращенная на сложной игре смыслов и стилей». Продолжение в «Сортирах» жанровой традиции, созданной «Домиком в Коломне» Пушкина, свидетельствует о верности поэта этим принципам» [4, 50]. К. Скандура указывает на тематическую и стилистическую близость с последующей инсталляцией И. Кабакова «Туалет» 1992-го г. и выводит: «Высокое и низкое, близкое и далекое, русское и советское, реальное и литературное смешиваются в поэме Кибирова и нивелируются как события единой национальной и личной истории, как звенья одной цепи. Предметы советского быта, сублимированные как детские воспоминания и показанные на фоне прошлого страны, теряют свой устрашающий характер» [10, 431].

Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий относительно поэмы резюмируют: «Личный опыт здесь уникален, потому что в принципе неупорядочен, случайностей. Особенно ярко этот парадокс мироощущения Кибирова предстает в поэме «Сортиры», в которой малосимпатичный образ «мест общего пользования» становится метафорой поэзии и поводом для предельно личных воспоминаний о детстве, о первой любви, об армейских унижениях» [7, 447]. Т.о., поэма «Сортиры» 1991-го г. становится одним из ярких проявлений творческой индивидуальности и принципа построения поэтического текста (на основе интертекстуальности) в ранних произведениях Т. Кибирова.

Произведения первого периода творчества поэта включает в себя сборник «Сантименты» 1994-го г., в который вошли тексты 1986-1991-го гг. Наряду с «Сортирами» и другими поэмами – в сборник включена поэма «Сквозь прощальные слезы», относительно которой Р. А. Нурмухамедова замечает: «Здесь Кибиров конституирует «героя советского времени», героя эпохи Главная особенность лирического субъекта этой поэмы, заключается в его пафосной неоднозначности, амбивалентности На формальном уровне пафосная неоднозначность и амбивалентность лирического героя Кибирова находит объяснение в его опосредованности, «косвенности», которая заключается в том, что лирический герой Кибирова выражается не через прямое авторское слово, а через заимствования цитаты и аллюзии» [9, 15]. Уже в этом произведении первого периода творчества поэта прием интертекстуальности используется поэтом не с целью полемизирования, а с целью воссоздания образа советской эпохи через комплекс клишированных текстов:

Светлый путь поднимается в небо,
И пастух со свинаркой поет,
И чудака-академик нелепо

Все теряет, никак не найдет

<...>

Летка-енка ты мой Евтушенко!

Лонжюмо ты мое, Лонжюмо! [1]

«Когда был Ленин маленьким» выходит отдельным от «Сантиментов» изданием в 1995-м г. Причина подобного решения объясняется И. С. Скоропановой: «Опасение "прослыть певцом во стане борцов с тоталитаризмом" не позволило Кибирову включить в основные сборники поэму "Когда был Ленин маленьким"» [11, 357].

Сборники до 1994-1995-го гг. по большей части включают в себя лирику первого периода. «Постперестроечный» период, таким образом, представлен лишь одной книгой стихотворений – «Парафразис» – на ней остановимся подробнее. Перехода от одного этапа к другому касается Д. Бавильский: «Ранние циклы и поэмы ("Памяти К.У.Черненко", "Когда был Ленин маленький" etc.) практически полностью в этой самой стихии языковой игры и находятся. Дальнейший "творческий путь поэта" характеризуется постепенным освобождением от концептуалистской заикливости над внешним, социальным (как раньше говорили, общественно-значимым)» [14].

О стихотворениях этого времени пишет Е. Ермолин: «Стихи Кибирова — наверное, самый яркий знак случившейся с его поколением катастрофы. Тот духовный кризис, тот губительный надлом, который мы пережили в 90-е годы, отразился в поэзии Кибирова, как в зеркале» [15]. Этим же годам А. Немзер дает такое описание: «блаженные, но тайно тревожные годы «Парафразиса» [6, 46].

Этому полноценному сборнику предшествуют «Двадцать сонетов к Саше Запоевой» 1995-го г. «Цикл демонстративно обращен к маленькой дочке (а не к общезначимой фигуре: ср. «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» Бродского). Но при этом в цикле Кибирова каждый сонет в иронической, нарочито сниженной форме, закрепляет позитивный смысл вековых универсалий, проступающих сквозь разоренный, «энтропийный», быт (тем самым, к слову сказать, сонет перестает быть просто строфической структурой, а возрождается как «память жанра»)» [7, 449]:

Пройдут года, ты станешь вспоминать.

И для тебя вот эта вот жилплощадь,

и мебель дээспешная, и лошадь

пластмассовая, и моя тетрадь

...предстанут раем [1].

или

Любовь, что движет солнце и светила,

свой смысл мне хоть немножко приоткрыла,
и начал я хоть что-то понимать [1].

Тема «уравновешивания» человеческого бытия продолжена в «Парафразисе» 1997-го г.: «Способность к счастью здесь основана на трезвом сознании невозможности отделить жизнь от распада, энтропии, смерти. Готовность к смерти, признание тщетности усилий одолеть хаос оборачивается даром радоваться повседневному и обычному, в том числе и прямому результату распада — пустоте» [7, 448]:

Так и запишем — неброской красою
радует глаз Воскресенский район,
грязью густою, парчой золотою
и пустотой до скончания времен [1].

Сборник «Парафразис» становится итоговым для «постперестроечного» периода творчества Т. Кибирова, для поэзии которого в это время характерны поиск уравновешивающих сил в хаосе бытия (связь с общим кризисом постперестроечного времени), что и являют собой немзеровские «блажество» и «тревогу» и дальнейшее использование приема интертекстуальности с целью полемизирования с претекстами.

«Избранные послания» и «Памяти Державина», изданные в 1998-м г., становятся началом нового этапа творчества поэта. Как видим, Т. Кибиров продолжает (наряду с поэмами и песнями) обращаться к жанру послания, оказывающемуся достаточно продуктивным в лирике поэта. Обращение к Державину исследователями трактуется как наследование традициям поэта: «Кибиров — наследник не столько Пушкина, хотя от него у современного поэта легкость стиха, музыкальность романтизма, гармоническая точность и прозрачность пушкинской поэзии; в новом сборнике Кибиров скорее всего, как нам кажется, выступает как наследник Державина. Он читает Державина «сквозь» Пушкина, после него. И продолжает работать над русской поэзией там, где певец Фелицы остановился. У Державина язык религиозных духовных од резко отличается от языка легкой поэзии. Кибиров же их соединяет. Он развивает русскую духовную проблематику со всей державинской серьезностью» [2, 102].

Первыми полноценными сборниками «современного» этапа творчества Т. Кибирова считаются «Интимная лирика» и «Нотации» 1998-го и 1999-го гг. соответственно. Начало этого периода перифрастически описывает А. Немзер: «Как на рубеже тысячелетий, когда уют дома на улице Островитянова сменялся болью «нотаций», а измотанный мучительной счастливой игрой Амура лирический герой справлял одинокий «полукруглый» юбилей» [6, 46]:

... Вчуже
забавно наблюдать, ей-ей,
как год за годом спорят ужас
и скука, кто из них главней
в душе изму-у-у-ченной моей [1].

Мотивы, обозначенные А. Немзером, действительно становятся сквозными в первых сборниках этого времени. Об изменении позиций автора пишет В. Шубинский: «Если лирический герой ранних стихов Кибирова жил среди комсомолок-доброволок-давалок, ленинских портретов, стихов Евтушенко, полета Белки и Стрелки и т. п., то окружение героя “Интимной лирики” составляют главным образом ученые люди, читающие ученые книги, которые сам герой понимает не вполне, хотя очень старается. Место комплекса неполноценности, социально детерминированного, занимает комплекс персональный, и он вдохновляет Кибирова на язвительные выпады» [16]. Однако игровой характер Т. Кибировым сохраняется и здесь: «Две книги настолько дивно контрастируют друг с другом и настолько внутренне пародийны (каждая в своем ключе), что невольно закрадывается подозрение: уж не провокация ли все это на самом деле?» [16] – однако теперь игра нужна для того, чтобы дистанция между лирическим героем и автором стерлась (к этому апеллирует и название «Интимная лирика»).

Не изменяет Т. Кибиров в произведениях «современного» периода и традиционному для своего творчества приему интертекстуальности. Исследованию этого явления посвящена статья М. В. Шишкиной, сделавшей попытку классифицировать претексты поэзии Т. Кибирова рубежа веков: по форме бытования (литературные и фольклорные), по типу организации художественной речи (поэтические и прозаические), по возрасту читателя («детские» и «взрослые»), по отнесенности к религиозному культу (сакральные и светские), по принадлежности определенному культурному пространству (высокая культура, рок-культура, поп-культура) или (отечественные и зарубежные) [13, 266-268]. Проведенная исследователем работа свидетельствует о том, что прием интертекстуальности для Т. Кибирова является одним из основных в создании поэтических текстов.

Одним из наиболее показательных примеров использования указанного приема является стихотворение «Деревня» 1999-го г., в котором автор активно использует возможности «чужого слова».

Л. Ю. Зверева и Е. А. Гассельберг так интерпретирует авторский метод в данном произведении: «В стихотворении «Деревня» Кибиров, используя аллюзии и реминисценции из мифологии, поэзии золотого и серебряного веков, напоминает о

ярком, гармоничном мире прошлого. Лирический герой пытается цепляться за знаки, исчезающие приметы того времени, которые скрыты за узнаваемыми классическими образами, но все тщетно. В конце – горькое осознание действительности: человек не способен протестовать, он свыкается с реальностью, принимает абсурдность мира» [5, 46]. Проследим связь между двумя произведениями: «Деревней» Пушкина и «Деревней» Кибирова:

«Везде передо мной подвижные картины:

Здесь вижу двух озер лазурные равнины,

Где парус рыбака белеет иногда,

За ними ряд холмов и нивы полосаты,

Вдали рассыпанные хаты,

На влажных берегах бродящие стада,

Овины дымные и мельницы крылаты;

Везде следы довольства и труда...

(у Пушкина)

По ОРТ экономист маститый

М. Курдюков и депутат Госдумы

пикируются. «Вот же паразиты!»

переключая, говорит угрюмо

Петр Уксусов. Но Петросяна юмор

вмиг остужает мозг его сердитый.

(у Кибирова)

Как видим, мирный сельский пейзаж А. Пушкина контрастирует с миром, создаваемым Т. Кибировым – миром героя, заполненным телевидением, являющимся «зеркалом» современности в стихотворении. В дальнейшем прослеживается подобная же трансформация образов претекста в произведении. Исследователи верно указывают, что у Т. Кибирова «Снижение классических образов, подмена их пошлой прозаичностью – свидетельство духовного разрушения мира, девальвации нравственности и морали и, как следствие, трагического мироощущения поэта» [5, 49].

Дальнейшие произведения относятся к началу XXI века, их исследование должно стать предметом иной работы. Относительно корпуса текстов Т. Кибирова 90-х гг. можно сделать несколько заключений:

- для Т. Кибирова характерно использование приема интертекстуальности (либо для полемизирования с претекстом, либо с целью воссоздания образа эпохи через комплекс текстов, непосредственно с ней связанных);
- жанры песни, поэмы и послания оказываются наиболее востребованными;
- влияние многих авторов на поэтику Т. Кибирова;

Творческая эволюция Т. Кибирова может быть обозначена следующим образом: от языковой игры и воссоздания несчастного сознания советского человека времен крушения империи {«перестроечный»} через осознание невозможности отделить жизнь от смерти и поиск этого равновесия {«постперестроечный»} к освобождению от

внешнего (социумного) и движению к личному (интимному) {«современный»}. Уход от концептуализма и соц-арта ранних произведений.

Список литературы:

I. Источники:

1. *Кибиров Т.* Стихи разных лет [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://kibirov.poet-premium.ru/poetry.html>

II. Исследования:

2. *Багратион-Мухранели И. Л.* Духовные стихи Тимура Кибирова / И. Л. Багратион-Мухранели // Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. – 2011. – Т. 2. – № 21. – С. 99-102.
3. *Багрецов Д. Н.* Т. Кибиров: творческая индивидуальность и проблема интертекстуальности: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / Багрецов Дмитрий Николаевич. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
4. *Гуменная Л. Г.* Пушкинская жанровая традиция в поэзии Тимура Кибирова (поэма «Сортиры») / Л. Г. Гуменная // Вестник ННГУ. – 2009. – № 6 (2). – С. 44-51.
5. *Зверева Л.Ю., Гассельберг Е.А.* Интертекстуальность стихотворения Т. Кибирова «Деревня» / Л. Ю. Зверева, Е. А. Гассельберг // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 22. – С. 46-50.
6. *Кибиров Т.* В честь присуждения Российской национальной премии «Поэт» - М.: Время, 2008. – 48 с.
7. *Лейдерман Н.Л. и Липовецкий М. Н.* Современная русская литература: 1950—1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — Т. 2: 1968—1990. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 688 с.
8. *Лекманов О. А.* Тимур Кибиров на фоне Булата Окуджавы / О. А. Лекманов // Новый филологический вестник. – 2014. – № 4 (31). – С. 124-129.
9. *Нурмухамедова Р. А.* Лирический субъект в поэзии Тимура Кибирова: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / Нурмухамедова Роза Абдурахимовна. – Москва, 2008 – 19 с.
10. *Скандура К.* Новая русская поэзия: поэма Тимура Кибирова «Сортиры» / К. Скандура // PHILOLOGICA. – 2012. – Т.9 – № 21-23. – С. 422-433.
11. *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.

12. *Шапир М. И.* Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы (Байрон – Пушкин – Тимур Кибиров) / М. И. Шапир // PHILOLOGICA. – 2005. – Т.8 – № 19-20. – С. 91-168.
13. *Шишкина М. В.* Классификация пре-текстов поэзии Тимура Кибирова (на материале стихотворений конца 1990-х – начала 2010-х гг.) / М. В. Шишкина // Вестник ТвГУ. – Серия «Филология». – 2013. – № 2. – С. 265-271.
14. *Бавильский Д.* Автономия прошлого [Электронный ресурс] / Д. Бавильский // Арион. – 1997. – № 4. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/1997/4/68.html>
15. *Ермолин Е.* Слабое сердце [Электронный ресурс] / Е. Ермолин // Знамя. – 2001. – № 8. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/8/erm.html>
16. *Шубинский В.* Волшебная палочка (о кн. Тимура Кибирова “Интимная лирика”, “Нотация”) [Электронный ресурс] / В. Шубинский // Октябрь. – 2000. – № 6. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2000/6/litkrit07.html>